

НАША СТРАНА

SEMANARIO

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

“NUESTRO PAIS”

Organo Monárquico Ruso

Correo
Argentino
Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 329150

TARIFA REDUCIDA
Concesión N° 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233

AÑO IV

Buenos Aires, sábado, 26 de enero de 1952

• Буэнос Айрес, суббота, 26-го января 1952 г.

No. 106

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

Великая фальшивка Февраля

5

ВОЙНА

Культурно и экономически предвоенная Россия росла невероятными темпами. Но “трагические противоречия” — оставались. В Первую Мировую войну Россия вступила в обстановке этих противоречий, при разложившемся правящем слое, при крайней неудовлетворительности командования вооруженными силами, при недостатке вооружения, при незаконченном раскрепощении крестьянства, при разладе между Монархией и верхами, при разладе в среде Династии, при наличии парламента, который только и ждал подходящего момента для захвата власти — при Пуришкевичах, Шульгиных, Милюковых и Керенских, которые делали одно и то же дело, и при содействии административном аппарате.

Статс-секретарь С. Крыжановский ближайший помощник П. А. Столыбина, пишет:

“Основная язва нашего старого бюрократического строя — засилье на верхах власти старцев... Расслабленный старец гр. Сольский... печальной памяти бессильные старцы Горемыкин, Штурмер, кн. Голицын. Усталые и телесно и духовно, люди эти жили далеким проплывом, неспособные ни к какому творчеству и порыву, и едва ли не ко всему были равнодушны, кроме забот о сохранении своего положения и покоя” (стр. 46).

И дальше (стр. 205):

“Министры подкапывали друг друга у Престола, поносили в обществе... Административный и полицейский фундамент Империи стался в архаическом состоянии, совершенно непригодном к новым требованиям жизни, и государству пришлось тяжело заплатить за это, когда настали трудные времена”.

Бар. Н. Врангель, — отец Главнокомандующего, — пишет, собственно, то же самое:

“Между высшим обществом и народом образовалась пропасть, утрачена всякая связь. “Мы” — правительство, немногие его честные слуги и бесчисленные холопы. “Они” — вся остальная Россия... Мы все могли быть непогрешимы... Результатом этого ослепления было то, что часть “их” действительно стала подкапываться под прави-

тельство, остальная часть, — прибавлю, — самая лучшая, отошла в сторону от общественных дел и была заменена людьми, желающими не блага страны, а преследующими лишь свои собственные интересы” (стр. 63 и 77).

Кн. С. Волконский — бывший директор Императорских Театров, — пишет решительно то же самое:

“Россию губили с двух сторон. Сейчас мы склонны делать ответственными только людей революции. Да, они ответственны за свой дела. Но за свой приход? Разве они не нашли себе подходящей почвы? А где длинный путь, по которому мы шли к тому, к чему пришли? Вот это не все понимают из числа наших соотечественников, которых я встречал после моего отъезда из русского ада. Все скошено — понимаете ли вы? Все. Нужна новая стройка, новое здание из нового материала и с новыми работниками” (Везде курсив кн. С. В.).

Это все отзывы правых людей, людей привилегированного слоя. Не Керенских и не Лениных. Самый правый из русских историков — И. Якобий дает еще более жуткую картину:

“Помойными ямами были столичные салоны, от которых, по словам Государыни, неслись такие отвратительные миазмы... Русский правящий класс и здесь оплевывал самого себя, как слабоумный больной, умирающий на собственном гноище” (стр. 77).

Государыня Императрица пишет своему Супругу о “ненависти со стороны прогнившего высшего общества” (Якобий стр. 7).

Тот же И. Якобий (стр. 26) пишет:

“Любопытно и поучительно сравнить рассказы дипломатов о настроениях столичного общества (в начале 19-го века. И. С.) с тем, что другие дипломаты, как М. Палеолог, например, писали о том же и во время Великой Войны. Те же пересуды, та же эгоистическая близорукость, та же злоба к Монарху, то же предательство. За сто лет высшее русское общество не изменилось”.

Ген. А. Мосолов сообщает:

“Думали, что переворот приведет к диктатуре вел. кн. Николая

Николаевича, а при успешном переломе в военных действиях, и к его восшествию на Престол. Переворот считался возможным ввиду распри в Императорской Фамилии”... (стр. 23). “...Легкомысленные представители общества думали исключительно о своем собственном благополучии... Ища виновников неудач России, они обрушились на Государя и, в особенности, на Государыню. Видя невозможность отделить Императрицу от Царя, они начали мечтать о дворцовом перевороте” (стр. 60).

И на стр. 49 свои впечатления суммирует так:

“Мне казалось, что столица объята повальным сумасшествием”.

Как видите, все это выражено очень туманно. Никаких имен не названо и никаких фактов не приведено. С. Ольденбург пишет еще осторожнее:

“Намена бродила вокруг Престола...”

И потом, не без некоторой наивности добавляет: “Но, к чести высшего общества, можно сказать, что эта измена так и не воплотилась в жизнь” (стр. 232). Вся эмиграция, в том числе и С. Ольденбург, является именно следствием “воплощения измены”, но всю эту тему автор пытается обойти как-то стороной, как, впрочем, пытаются и И. Якобий и А. Мосолов. Впрочем, на той же странице С. Ольденбург приводит чрезвычайно симптоматичный факт:

“Дошло до того, что представитель Союза Городов, городской голова Хатисов, ездил на Кавказ, предлагать вел. кн. Николаю Николаевичу произвести переворот и провозгласить себя царем”.

Вел. кн. Николай Николаевич отклоняет это предложение под предлогом “монархических чувств армии”, но оставляет этот преступный разговор без всяких последствий и даже не докладывает о нем Государю Императору. Председатель Центрального Комитета Кадетской (милюковской) партии, кн. П. Д. Долгоруков, возражая кому-то, пишет в январе 1917 года:

“Дворцовый переворот не только нежелателен, но скорее губителен для России. Дворцовый переворот не может дать никого, кто явился бы общепризнанным преемником монархической власти на Русском Престоле”.

Значит, даже кадетская партия возражает против переворота. Кому

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
ВЕЛИКАЯ ФАЛЬШИВКА ФЕВРАЛЯ
(Продолжение)

СНОВА О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ
(Из иностранной печати)

Борис Ширяев
РЕСТАВРАТОРЫ ФЕОДАЛИЗМА

Борис Башилов
МОРЛОКИ ИЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ?

Проф. М. В. Зызыкин
ГОГОЛЬ И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ

Николай Былов
ВОКРУГ КОЗЛА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ГЛЕБ ТОМИЛИН — ДВЕ СИЛЫ

CHARACTERISTICA DE LOS
CAMPOS de CONCENTRACION
EN LA UNION SOVIETICA
DEL LADO SOCIAL Y
ECONOMICO

В следующем номере
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
часть 3-я
КИЕВ И МОСКВА

она возражала? Сам С. Ольденбург констатирует:

“Настроение общества, не говоря уже о широких массах, не благоприятствовало перевороту”.

Под “обществом” ген. А. Мосолов понимает его привилегированные верхи. С. Ольденбург понимал его массу. Но это мало меняет дело. Дальше С. Ольденбург говорит:

“В конце концов та группа, которая заранее поставила себе целью свержение Императора Николая Второго, продолжала разрабатывать планы дворцового переворота или военного переворота”.

Из кого состояла эта группа? С. Ольденбург называет только одно имя — А. Гучкова, который, действительно, был главным спонсором “февраля”. Но кто были остальные? На этот вопрос дает ответ французский посол в Петрограде М. Палеолог. Нужно иметь в виду, что М. Палеолог стоял ЗА русскую монархию. М. Палеолог любил слегка пофилософствовать. Так на стр. 282 он утверждает, что:

1) Основная разница между ла-

тинской и англосаксонской революционной психологией, с одной стороны, и славянской, с другой, заключается в том, что у одних воображение логично и конструктивно, у других исключительно разрушительно... 2) Восемь десятых русского населения не умеют ни читать, ни писать... 3) Болезнь воли — это туземное заболевание России... 4) Анархия соединенная с ленью и воображением — это страстное желание России. И, наконец, 5) огромные пространства страны делают всякую провинцию центром сепаратизма.

Пока что русская революция сконструировала власть, которая претендует на мировое господство и рискует бросать вызов всему остальному миру. Болезнь воли сказалась в наших гражданских войнах. Ни из какого сепаратизма ничего не вышло. О восьмидесяти процентах неграмотных не стоит, конечно, и говорить. Некоторые клюквенные заросли совершенно неизбежны в мемуарах каждого иностранного наблюдателя. Тем не менее, М. Палеолог стоял ЗА русскую монархию — а никак не ПРОТИВ нее. Он, иностранец, республиканский посол в монархической стране, пытался доказать Родзянке, что "царизм есть основной стержень России, внутренняя скрепа всего русского общества, и, наконец, единственная связь, объединяющая народы Империи". И вывёл: "Если царизм падет, поверьте мне, что он увлечет за собою в гибель все здание России!"

Так вот, этот М. Палеолог ставит некоторые точки над некоторыми "и".

И тот же М. Палеолог на стр. 137, 138 и др., с полным недоумением рассказывает о том, что князья просто и Великие Князья, представители и финансовой и земельной знати на своих приемах совершенно открыто говорили о свержении Государя и о том, как они уже ведут пропаганду в частях гвардии — в первую очередь в Павловском полку, который и в самом деле первым начал "революцию". М. Палеолог ни на какие слухи не ссылается: на этих приемах он присутствовал лично и сам все это слышал.

Его изумляла откровенность заговорщиков, которые под хмельком все это выбалтывали в присутствии посторонних лиц, в том числе и посла союзной державы. Он называет имена, которых я здесь повторять не буду. Говорит, что эта аристократическая агитация велась даже среди личного конвоя Его Величества. И провозглашались тосты такого рода:

"За умного ("intelligent") царя, исполненного чувства долга и достойного своего народа". И тут же приводится "план" — принудить Государя Императора к отречению, заключить Государыню Императрицу в монастырь, возвести на престол наследника Цесаревича при регентстве вел. кн. Николая Николаевича.

***

И вот, с такими "трагическими противоречиями" и с таким правящим слоем Россия вступила в Первую Мировую войну. Первая Мировая война была на много страшнее войны 1812 года. Тогда, в 1812 году, не было никакого вопроса ни о расчленении, ни о колонизации России. Украинский чернозем и прочее в этом роде Наполеону вовсе не был нужен: ему по существу нужно было только насильственное включение России в

его систему континентальной блокады Англии. Планы Вильгельма были безмерно шире — и расчленение, и порабощение, и колонизация. Впоследствии Адольф Гитлер эти планы значительно "углубил". В 1812 году мы воевали почти против "всей Европы". В 1914 — в союзе с почти "всей Европой". Но в 1812 году наш правящий слой еще не был "слабоумным больным, умирающим на собственном гнище". В 1914 он уже был истинно слабоумным. Таким он остался и сейчас. И сейчас, вот только что, так сказать, исторически позавчера, наша реакция нанесла такой удар по русскому монархизму, какого за все тридцать лет изгнания еще не было нанесено. Методы — не изменились. И они не изменятся. Поэтому историческая справка о великой фальшивке февраля имеет совершенно конкретное практическое "судьбоносное" значение для всей нашей будущей работы.

ЛЕВЫЕ О ФЕВРАЛЕ

Когда мы ищем виновников революции, мы должны по мере возможности четко разграничить два вопроса.

Первый: кто делал революцию? Второй: кто сделал революцию?

Делала революцию вся второсортная русская интеллигенция последних ста лет. Именно второсортная. Ни Ф. Достоевский, ни Л. Толстой, ни Д. Менделеев, ни И. Павлов, никто из русских людей первого сорта — при всем их критическом отношении к отдельным частям русской жизни, революции не хотели и революции не делали. Революцию делали писатели второго сорта — вроде Горького, историки третьего сорта — вроде Милюкова, адвокаты четвертого сорта — вроде А. Керенского. Делала революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с сотен университетских и прочих кафедр вдалбливала русскому сознанию мысль о том, что с научной точки зрения революция неизбежна, революция желательна, революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти безымянных профессоров. Жаль, что на Красной Площади, рядом с мавзолеем Ильича не стоит памятник "неизвестному профессору". Без массовой поддержки этой профессуры — революция не имела бы никакой общественной опоры. Без поддержки придворных и военных кругов она не имела бы никаких шансов. На поддержку придворных и военных кругов наша революция не рассчитывала никак, — и вот почему, февраль свалился ей, как манна небесная в пустыне.

М. Палеолог на стр. 298 подытоживает:

"В 1917 году русские социалисты испытали такую же неожиданность, как французские республиканцы в 1848 году. На кладде в Париже 12 марта 1920 года А. Керенский сказал, что его политические друзья собрались у него 10 марта (26 февраля) 1917 года и единогласно решили, что революция в России невозможна. Через два дня после этого царизм был свергнут".

Об этом же собрании сообщает и С. Ольденбург (стр. 243), — хотя и в несколько иной редакции:

"Собравшиеся на квартире Керенского представители крайних левых групп приходили к заключению, что "правительство победило".

...Но в тот же день, — в день "победы правительства", — 26-го, около четырех часов дня, произошло весьма серьезное событие:

"4-ая рота запасного батальона Павловского полка (в ней было 1.500 человек), столпившись на улице около своих казарм, неожиданно открыла беспорядочный огонь по войскам, разгонявшим толпу. (М. Палеолог подчеркивает, что агитация верхов шла именно в Павловском полку. И. С.). Выли спешно вызваны несколько рот соседних полков... Прибыл командир полка, а также полковой священник, чтобы урезонить солдат. Те, отчасти под влиянием увещания, отчасти потому, что были окружены, ушли обратно в казармы и сдали оружие. 19 зачинщиков были арестованы и отведены в Петропавловскую крепость"... (С. Ольденбург, стр. 243).

ДО ЭТОГО, — 25 го февраля. — Государь Император телеграфировал ген. Хабалову:

"Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны".

На эту телеграмму, утром 26 го февраля Хабалов отвечал, что "в столице наблюдается успокоение". На другой день после отречения Государя М. Палеолог спросил Горького и Чхеидзе:

"Значит, эта революция была внезапной (spontane)?"

— Да, совершенно внезапной".

Эту внезапность сам А. Керенский в своей книге передает так:

"Вечером 26-го февраля (то есть, после провала восстания Павловского полка. И. С.) у меня собралось информационное бюро социалистических партий. Представитель большевиков Юренев категорически заявил, что нет и не будет никакой революции, что движение в войсках сходит на нет, что нужно готовиться к долгому периоду реакции".

Зензинов ("Дело Народа" от 25 го марта 1917 года) писал:

"Революция ударила, как гром с ясного неба, и застала врасплох не только правительство и Думу, но и существующие общественные организации. Она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас, революционеров".

Левый эс-эр Мстиславский писал еще красочнее:

"Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев — спящими".

С. Мельгунов суммирует все это в "Независимой Мысли" (ном. 7, стр. 6) так:

"Как бы ни расценивать роль революционных партий, все же остается несомненным,

что до первого официального дня революции никто не думал о близкой возможности революции".

Большевистская история СССР (стр. 135) излагает все это самым схематическим образом:

"Заговор царизма сводился к тому, чтобы заключить сепаратный мир (??? И. С.) и, распустив Думу, направить главный удар против пролетариата. Заговор царизма против революции встретился с другим заговором, созревшим в кругах империалистической буржуазии и генералитета".

Таким образом, все историки, и правые и левые, и большевистские и иностранные, сходятся, по крайней мере, на одном пункте: начало революции было положено справа, а никак не слева. Именно оттуда и зензиновский "гром среди ясного неба". О заговоре "империалистической буржуазии и генералитета" левые, по совершенно понятным соображениям, знать не могли и не знали. А именно этот заговор был началом революции. Потом, в марте, апреле, мае и т. д., революция двинулась вперед по путям "углубления", с исключительной степенью точности повторяя ход французской революции. И если августейшие салоны и сам М. Палеолог, передающий их планы и вождедения, выражали свое сожаление о том, что в России не нашлось Мирабо, — то это сожаление мне кажется совершенно непонятным, — ибо, ведь, и во Франции даже и Мирабо решительно ничему не помог. М. Палеолог, посол Франции, имевший весьма большой опыт в революциях, все время проводит параллели между 1789 и 1848 гг. во Франции и 1917 годом в России. Параллели получаются, действительно потрясающим. Что, впрочем, никак не мешает М. Палеологу задумываться над таинственной славянской душой, — почему бы не подумать и о таинственной французской?

Правые, или даже крайние правые, историки — И. Якобий, С. Ольденбург, А. Мосолов — глухо, но неоднократно упоминают о "заговоре". О нем же говорят и большевики. О нем же рассказывает — уже более подробно — французский посол. Конечно, не чуждо заговор был. Подробности его мы, если узнаем, то очень скоро. Правые историки стесняются называть вещи своими именами — и людей тоже, левые были не в курсе дела, архивы, попавшие в руки большевиков, подверглись, конечно, весьма основательной чистке. Нет ни как оного сомнения в том, что в дальнейшем развитии революции огромную роль сыграли те 90 миллионов золотых марок, которые Германия Вильгельма отвалила Ленину и Троцкому. Но об этом постарайтесь промолчать и наследники Ленина и преемники Вильгельма. Однако: при наличии здорового правящего и ведущего слоя ничего не вышло бы ни из заговора, ни из февраля, ни из октября. За всеми бесчисленными подробностями событий этого страшного года, этого позорного года, и мемуаристы и историки как то совершенно упускают из вида самую основную нить событий: борьбу против Монарха и справа и слева, борьбу, которая велась и революцией и реакцией. По самому своему существу 1917 год в невероятно обостренной обстановке только повторил исто-

рию П. А. Столыпина. П. А. Столыпин был, конечно, человеком исключительного калибра. Но он обессилел в борьбе и с реакцией и с революцией. Вскрытие его тела показало совершенную изношенность сердца, в ее роковой форме. 26-го февраля 1917 года Государь Император пишет Государыне:

“Старое сердце дало себя знать. Сегодня утром во время службы я почувствовал мучительную боль в груди, продолжавшуюся четверть часа. Я едва выстоял, и мой лоб покрывался каплями пота”.

Убийство П. А. Столыпина по самому существу дела не расследовано и до сих пор. И за всякими показаниями и воспоминаниями люди как то забыли поставить простой, самый простой вопрос.

Е. Богров, убийца П. А. Столыпина, был тем, что на официальном языке называлось “осведомителем”, на языке общественности — “провокатором”, на сегодняшнем языке — “сексотом”. Такие люди необходимы всякой полиции мира, не только политической, но и уголовной. Это всегда подозрительные люди. Их можно и их нужно утилизировать для информации. Но почему Е. Богрова опустили к охране и П. А. Столыпина и Государя Императора? Не нашлось более надежных людей, чем этот осведомитель, провокатор или сексот? Или, — при убийстве Царя-Освободителя: как могли люди допустить семь покушений со стороны десятка извергов? Весь аппарат Империи не смог справиться с десятком человек? Не могли? Не хотели. Не считали очень уж необходимым. А, может быть, и кое-какое участие принимали?

Целого ряда подробностей мы не знаем и, вероятно, не узнаем никогда. Но в самом основном деле совершенно ясно: в 1916 году был заговор. И люди, которые этот заговор организовывали, были, или казались себе, чрезвычайно дальновидными. Повидимому, первый шаг к технической реализации этого заговора было превращение Петрограда в похоронный погреб.

(Продолжение следует).

Иван Солоневич.

“НАША СТРАНА” — газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции!

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА “НАШЕЙ СТРАНЫ”

Аргентина — 1.50 песо; САСШ — 25 ам. цент.; Канада — 25 кан. цент.; Бразилия — 4 круз.; Венеция — 0.75 бол.; Уругвай — 30 ур. сент.; Парагвай — 1.30 гуарани; Чили — 8 чил. песо; Англия — 1 шилл.; Франция — 50 фр.; Бельгия — 8 бельг. фр.; Швейцария — 75 сант.; Германия — 75 пфен.; Иран — 8 риал; Австралия — 1 ш. 3 п.
В остальных странах — приблизительно из расчета 25 ам. центов.
Объявления о розысках — 1 долл.

На складе у всех представителей “НАШЕЙ СТРАНЫ”
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
“ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ”
Цена 2 ам. доллара

БУНТ ПОЛИТКАТОРЖАН

В Нью-Йорке существует Общество о вывешенных политических заключенных в СССР, имеющее свои филиалы и в других странах. Социальная оаза общества: американские субсидии. Человеческая оаза: новая эмиграция. Общественная атмосфера: скандал. Анализируя обстоятельства этого скандала, Г. Аронсон в “Новом Русском Слове” дал свой просвещенный рецепт: нужно отменить в обществе платные должности и тогда все пойдет в порядке. Рецепт несколько поверхностен: дело не только в “платных должностях”. Во всяком случае на общем собрании нью-йоркских политикаторжан старое правление было совершенно зааллотировано, но, кажется, не ушло. Новое правление выпустило свой “Бюллетень”, в котором сказано:

...Старое правление пошло в услужение к небольшой социалистической группе по существу мало-значительных, хотя и ловких людей, оторвавшихся от своей родины и своей нации и открыто готовящихся к созданию нового Интернационала меньшевиков, о чем они сами сообщали в прессе.

Оно совершенно пренебрегло прямыми интересами Общества политикаторжан и потеряло свое лицо. В результате получился полный отрыв от масс и прислужничество перед лидерами меньшевиков, лидерствующими над самими собой, ибо ни в Нью-Йорке, ни в САСШ, ни в СССР меньшевиков не водятся, за исключением каких-нибудь одного или двух десятков доктринеров, ушедших с головой в марксизм, скандально провалившийся в СССР. У этих господ нет никакого будущего. Кризис социализма идет всюду, во всем мире, но в России всяческий социализм похоронен на очень долгие времена, если не навсегда. В России социализм представляет собой реакционную силу. Если бы он там возник, то был бы чреват рецидивом большевизма.

Сама коммунистическая власть в СССР именуется себя социалистической и производит себя от Карла Маркса. Марксизм и социализм в СССР ненавистнейшие для народа наименования.

Констатировать факт ненависти всего населения современной России к социализму и коммунизму мы обязаны, иначе, к чему наш кровавый страдальческий опыт, если мы утаим его от других.

И дальше:

Почему в стране, где процветает капитализм, жить лучше, чем в стране “победившего социализма”? Потому, очевидно, что в американском правительстве нет ни одного социалиста. Потому что социалистическая партия здесь, в Америке, не влиятельна, потому что социалистам власть в Америке не принадлежит. Это наше убеждение, купленное кровью наших мучений в социалистическом государстве — СССР. Такое же убе-

ждение созрело и в так называемом “советском народе”, так думают и там, за “железным занавесом”.

Что смеет в мире демократии оспаривать наше право на это высшее из страшных деспотических бездн социализма убеждение?

Имен, перечисленных в “Бюллетене”, мы повторять не станем: издали во всем этом разобраться трудно. Но, конечно, совершенно бесспорно одно: социализм в России мертв, как дверной гвоздь, по английской поговорке, или “как дохлая мышь” — по немецкой. Но совершенно так же мертв и “февраль”.

В “Русской Мысли” г-жа А. Тыркова Вильямс признает:

“Я не монархистка и по многим причинам (?) не вижу для России восстановления монархии, даже и с конституционными ограничениями. Но должна сознаться откровенно, что призывы к тому “народовластью”, которое мы видели в 1917 году, меня мало соблазняют.

Ни одной из “многих причин” г-жа А. Тыркова не сообщает. И ничего не говорит о том, так какое же новое народовластие нужно России. Г-жа Тыркова дает материнские советы СОНР-у:

Отсутствие военной эмиграции усиливает очень неопределенное впечатление, что СОНР замыкается в тесном левом кругу эмиграции. Но тогда нельзя претендовать на широкое объединение. Чтобы его создать, надо выскрести из психологии заплесневшие предрассудки и предвзятые взгляды. Прежде всего выбросить за борт набивший оскомину страх перед соседями справа. Надо же, наконец, понять, что враг, опасный, гнусный, могучий царствует на левом фланге. Ведь по сравнению с коммунистами самые что ни на есть заядлые правые это невинные младенцы.

Я оптимистка и, вопреки многим недобрым признакам, хочу надеяться, что СОНР с Божьей помощью свой крен налево выправит.

Впрочем, так как СОНР все равно уже помер, то советы А. Тырковой обращены на тот свет.

Во всяком случае, в СОНР-е не было военных организаций, не было религиозных организаций, не было бытовых и благотворительных организаций — не говоря уже об отсутствии монархической эмиграции — отсутствии, о котором в данный момент жалеть совершенно нечего. Г-жа Тыркова пытается уловить настроения России по адресу всего того, что в обобщенной формулировке можно бы назвать СОНР-ом.

Вот, например, рассказ интеллигентной женщины, не так давно бежавшей из Советской России. Как то, немалым риском, поймала она “Голос Америки” и услышала:

— Мы, американцы, друзья русского народа. Мы это доказали тем, что помогли вам делать революцию и свергнуть царя.

Из иностранной прессы

Снова о Великом Князе

Вслед за крупнейшей демократической газетой “Иль Темпо”, выходящей также в Риме иллюстрированный журнал “Сеттимо Джорно” (№51) дал большую статью известного журналиста Джованни Савиеро, озаглавленную “Демократический Царь всей России”, посвященную Великому Князю Владимиру Кирилловичу.

Автор, видимо, много поработал над нею. Он пользуется обширным материалом, начиная с родословной Великого Князя и кончая известной анкетой “Посева”, статьями “нового” эмигранта Б. Ширяева и других русских журналистов различных направлений, листовками РРС и его личными впечатлениями от встреч с русскими в Риме. Самого Великого Князя он не встречал и дает его политические суждения со слов “Иль Темпо”.

На основе столь разностороннего материала, Савиеро стремится показать итальянскому читателю, что возрождение Русской Монархии не только возможно, но что оно было бы прогрессивным этапом в истории России, и что сам Великий Князь, лично, является достойнейшим кандидатом на Высочайший Пост Российского Демократического Монарха, чуждого каких либо реакционных тенденций, любящего свой народ и связанного с ним, несмотря на “железный занавес”. Эти свои утверждения Савиеро подкрепляет рядом правдивых фактов, ярко обозначающих связь Главной Династии с “новой” эмиграцией. По сути он знакомит итальянцев с настроением масс в Советской России, коротко осведомляет их о РОА, ген. А. Власове, заговоре Тухачевского и т.д.

Статья Дж. Савиеро богато иллюстрирована большими портретами Августейшей Четы, Родителя и Прародителя Великого Князя, вплоть до Императора Александра Второго, диаграммой Его родословия, фотографией листовки РРС и др. Ее появление на страницах распространенного еженедельника показывает значительный шаг вперед, сделанный итальянскими демократами на пути к пониманию подлинной современной России и настроений ее народа.

Сергей Новик.

Слушательница, совершенно не знавшая переживаний и отливов американских суждений о России, пришла в ужас и негодование. Это было несколько времени тому назад. С тех пор руководители “Голоса Америки”, кажется, поняли, что хватать своим участием в революции, хотя бы и мнимым, не выгодно. Пора и русским, особенно тем, которые ищут сочувствия по ту сторону “железного занавеса”, расстаться с опостылевшими предвзятками. Красным революционным знаменем там никого не прельстят. Надо готовить другое знамя.

Итак — “свержение царя” вызывает “ужас и негодование”. Г-жа Тыркова констатирует: “красным революционным знаменем там никого не прельстят. Надо готовить другое знамя”.

Иван Солоневич.

Борис Ширяев

Реставраторы феодализма

Мы живем в эпоху колоссальных сдвигов общественного и политического сознания. Старые, привычные понятия и представления отмирают. В их опустевшие формы вливается новое содержание. Политические термины приобретают иные значения. Атлантический и Тихоокеанский союзы, Бенелюкс, координация государств обеих Америк, план Шумана — реальные факты. Соединенные Штаты Европы перестают быть мечтой утопистов. Национально-этнические государства жертвуют частью прерогатив своих суверенитетов ради объединяющих их новых целей и интересов.

Разделение мира на два враждебных блока намечилось с полной определенностью. Ведущими силами обеих сторон являются две не этнические, надплеменные и надрасовые нации, включающие в себя множество различных племен и наречий — САСШ и СССР.

Эта картина современного нам мира дает полную возможность установить, что прежнее представление о нации, как однородном этнически-языковом организме, изживается, что идея "самоопределения наций", развившаяся в 19-ом веке, одолевая реализованная в Версале и доведенная Гитлером до своего уродливого, но вполне логичного завершения, уходит в область архивных доктрин.

Цепляться за эти отмирающие доктрины — консервативно. Попытки их реализовать — реставрационны. Насильственный возврат к бесславно упавшей в прошлое Версальской феодализации Европы или стремление провести таковую в освобожденной России — не что иное, как проявление реакции, подавления явно намечившегося поступательного процесса.

Рабы доктрин — "левое" большинство СОНР-а — стали на этот реакционный путь в силу общей реакционности своей социалистической идеологии. "Правое" его крыло, солидаристов и Мельгунова, пришлось заворачивать на него нажимом доллара. Я глубоко убежден, что для г. г. Мельгунова, Байдалакова и Романова лично приманка долларом не играла никакой роли. О их личной "продажности" не может быть и речи. Но они — лидеры существующих и потенциальных партий, и в силу этого им пришлось вступить в компромисс со своей совестью, что ясно из "резолуции СОНР-а" и "Российского Демократа" (ном. 1).

*

Мы не реставраторы, не реакционеры и не доктринеры. Мы смотрим прежде всего на реального, современного, живого человека и базируем свое политическое мышление на нем, учитывая его прошлое и вероятное будущее.

Я лично, много работал в качестве разъездного корреспондента в пяти республиках Средней Азии и Казахстане, знаю их всесторонне и попытаюсь сейчас кратко обрисовать не только ближайшее будущее их населения при осуществлении реакционной доктрины "самоопределения наций".

Большая половина населения этих республик станет их нац. меньшинствами, в состав которых войдут европейцы (великороссы, украинцы, ар-

мяне и т. д.), местные мелкие племена (дунганы, уйгуры, тараты, фарсанды) и та часть "самоопределившихся" (узбеки, киргизы, таджики, туркмены), которая живет не в своих республиках. Следовательно, ни одно из этих "национальных образований" не получит внутри себя национального единства. Внутренние трения и конфликты — неизбежны. Абсолютно неизбежны. Столь же неизбежны они и между самими "самоопределившимися" республиками. Будут войны и восстания. Европейцы составляют в Средней Азии оольшую часть административной, проф-технической и культурной элиты. Попав в нацмены новых самоопределившихся единиц, они или покинут эти республики, или оторвутся, изолируются от их масс. И то, и другое отзовется на жизни республик очень тяжело. Их естественное развитие замедлится или деградирует. Таково политическое будущее наново феодализованной Средней Азии.

Сибирский и поволжский хлеб, которым питается хлопководческая Средняя Азия станет для нее чужим и подорожает. Это заставит ее крестьян перейти с высоко рентабельного хлопководства и выведения ценных технических культур на зерновое полеводство и кукурузу. Народный доход стремительно снизится. Оставшаяся без сырья хлопко-очистительная промышленность сократится. Безработица возрастет. Обслуживание и ремонт гигантских новых ирригационных сооружений (Чирчин-Ангрен, Вахш, теперь еще повернутая на запад Аму-Дарья) будут непосильны для слабых государств; сооружения придут в упадок и посевная площадь сократится. Работа гигантских металлургических комбинатов (Караганда, Ходжент и пр.) станет крайне затруднительной, они частично свернутся. Товарный обмен усложнится и затруднится, вследствие чего некоторые республики, например, Туркмения, у которой кроме Кара-Кумской серы для экспорта ничего нет, будет принуждена вернуться к кочевничеству...

Катастрофический регресс, нищета — таково экономическое будущее этих феодалов. Разрушительные последствия реставрации феодализма столь же ярко выявятся и на культурном фронте. Первым мероприятием "самоопределившихся" станет перевод преподавания в школах на местные языки. Русский — будет преподаваться, как предмет по два часа в неделю, то есть, как немецкий в современной советской (и старой) школе. Окончившие среднюю школу "самоопределенные" не смогут поступить ни в один русский ВУЗ и будут принуждены обходиться местными. Мелкие "нации", как например киргизы и каракалпаки останутся совсем без высшей школы. Книгопечатание резко сократится, так как местные книжные рынки не имеют еще достаточной емкости. Агротехнические работники из среды местного населения будут лишены соответствующей их специальностям справочной и научной литературы. Их производственный уровень снизится. "Самоопределенные" в целом будут полностью отрезаны от мощных культур Запада и обречены на неизбежное одичание, культурный регресс...

Я ограничиваюсь краткими штри-

хами картины того будущего, которое готовит мелким племенам российской нации их "самоопределение". Что же выиграет от него человек, атом этих племен? Что даст ему реализация, реакционной на данном этапе, ушедшей в прошлое, доктрины самоопределения наций?

Войны, кровь, нищета, голод, падение культуры, снижение и без того невысокого жизненного уровня. Другого ответа нет. Феодальное самоопределение племен и народов российской надплеменной нации несет бедствия и тяготы всем ее сочленам, но прежде всего самим "самоопределяющимся" их людям. Чем меньше племя, тем тяжелее ему будет. Великороссы то выдержат и преодолеют удар этой реакционной доктрины (не то еще выдерживали!), а вот что станет с осетинами, кабардинцами и прочими?

*

Видят ли это далеко не туманное будущее прокламировавшие его члены СОНР-а?

Судя по их "резолуции", приложенной к "платформе", видят, но, вероятно, не в равной мере ясно. Социалистическое крыло СОНР-а — марксисты и мертворожденные "народники", — полностью рабы реакционных на сегодня доктрин. Они мало что видят в своих шорах. Мельгунов, сумевший кое-что переоценить (от бывшего нар. соц. в нем мало уже осталось) видит несколько яснее. Солидаристы, особенно "новые" в их среде, видят эту жуткую картину вполне ясно.

Что же заставило их поставить свои подписи под порочащим их политическими репутации актом? Преступный поступок — анонимным долларом?

Нет. Повторяю: у меня нет ни тени сомнения в личной честности Мельгунова или Романова и в их любви к России. О личной заинтересованности не может быть и речи, но они члены и рабы своих партийных доктрин и интересов. Партийная цель оправдывает все средства. Для достижения ее допустимы даже насильственные акты, организованных меньшинств, гражданские войны... Допустим и подобный "маневр". Партийной совести в природе не существует.

Народные монархисты — не партия. Мы не ставим целью свое господство в освобожденной России, но боремся за стоящую над нами и над всеми партиями Всероссийскую, Есенародную Национальную власть. Мы не имеем ни партбилетов, ни программной доктрины. Не имеем еще и законченной организации сил в эмиграции. Наша главная цель — формирование не самих сил, но сознания. Сознание и станет той силой в среде освобожденного русского народа и оно, здравый смысл, трезвая оценка своих жизненных интересов, свободно от самостийных наглазников и в массах северного и южного русского крестьянства, и в среде дехкан Средней Азии, и в сибирской тайге и в горах Кавказа...

Борис Ширяев.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА
"НАШУ СТРАНУ"

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
и поступили в продажу
"ЗАПИСКИ СБЕЖАВШЕГО ОТ "НЕ
НАСТОЯЩЕГО" СОЦИАЛИЗМА"
Б. БАШИЛОВА.

Цена в Аргентине — 3 песо.

Политическая хроника

ГЕНЕРАЛ ВЕДЕМАЙЕР

Генерал-лейтенант А. Ведемайер избран председателем правления Толстовского Фонда в Нью-Йорке.

Новый председатель Толстовского Фонда (А. Л. Толстая остается "президентом", то есть главным исполнительным должностным лицом Толстовского Фонда) принадлежит к числу самых известных и самых популярных американских военачальников и политических деятелей. В качестве командующего вооруженными силами Соединенных Штатов на Дальнем Востоке во время и после Второй Мировой войны, он предсказал в особой докладной записке правительству Соединенных Штатов нападение большевиков на Южную Корею. Докладная записка генерала Ведемайера была, в извлечениях, оглашена в прошлом году, когда сам генерал был командующим вооруженными силами Соединенных Штатов на Тихоокеанском побережье.

Вскоре после оглашения этой записки ген. Ведемайер, который относится критически к политике правительства Соединенных Штатов и настаивает на проявлении большей твердости по отношению к большевикам, вышел в отставку для того, чтобы иметь возможность открыто критиковать эту политику и участвовать в политической жизни страны.

Принятие им на себя звания председателя организации, помогающей русским эмигрантам — одно из проявлений того доброжелательного отношения, с которым этот видный американский деятель относится к русским антикоммунистам.

ЧЕСТВОВАНИЕ А. И. РОГОЖИНА

11-го января на ферме Толстовского Фонда в окрестностях Нью-Йорка состоялось чествование последнего командира Русского Корпуса и создателя знаменитого русского лагеря Келлерберг полковника А. И. Рогожина, который накануне прибыл из Австрии в Соединенные Штаты.

Молебен перед чудотворным образом Курской Божией Матери был отслужен в существующем при ферме храме митрополитом Анастасием в присутствии епископа Никона и многочисленных молящихся.

В тот же день вечером Толстовский Фонд и его друзья чествовали полк. А. И. Рогожина и его ближайших соратников за обедом, который собрал на фер. Толстовского Фонда 60 гостей.

Первый тост за Россию был провозглашен известным русским летчиком Б. В. Сергиевским, который состоит одним из директоров Толстовского Фонда. Им же были провозглашены тосты за присутствовавшую на торжестве представительницу Династии, княжну Веру Константиновну, за полк. А. И. Рогожина и за всех чинов Русского Корпуса.

Речи были произнесены А. Л. Толстой, европейской представительницей Толстовского Фонда Т. А. Шауфус, генералами В. Г. Науменко и В. К. Витковским, полковником Л. Н. Трескиным и председателем Объединения бывших чинов Русского Корпуса в Нью-Йорке А. П. Сенявиним.

Отвечая на приветствия, полк. А. И. Рогожин поблагодарил Толстовский Фонд за помощь, оказанную обитателям лагеря Келлерберг и отметил готовность бывших чинов Русского Корпуса принять дальнейшее участие в борьбе с коммунизмом.

Борис Башилов

Морлоки или русские люди?

Опубликованная в № 102 “Нашей Страны” статья Бориса Ширияева носит оригинальное свежее название: “Етер из глубин”. Так же, как название, (вело и интересно содержание этой статьи. Борис Ширияев пишет о представителях фармацевтико-рецептурного мышления, т. е. о представителях так называемого “прогрессивного” мышления, подвизающегося в наши дни на страницах “Социалистического Вестника”, “Нового Русского Слова” и других изданий, где тон задают Максы Вишняки, П. Берлины, Кускова и другие политические мертвецы русского прошлого.

Борис Ширияев совершенно правильно утверждает, “что большинство средних интеллигентов всех времен и всех народов склонно мыслить готовыми формулами, штампами, этикетками на аптекарских пузырьках”. Так было во все времена. И в античных Афинах, и в античном Риме, и в современных Афинах, и в современном Риме. Так мыслила русская прогрессивная интеллигенция до появления ее законного детища большевизма, так обстоит дело и по сей день среди большевиков и “демократической прогрессивной” интеллигенции. Те же готовые формулы, те же покрытые мохом “прогрессивные” штампы. Ни малейшего движения свежего воздуха. Плесень, тина, застой всякой мысли. Над Россией пронесли грозные ураганы, десятки миллионов людей погибли в щупальцах прогрессивного большевистского марксизма, а на страницах “Нового Русского Слова” Кусковы, Берлины и Оболенские жуют все те же самые нудные прогрессивно-демократические штампы, что и до большевиков. Раскройте книжку “Нового журнала” — Боже мой, ведь это то же самое, что было в “Русском Богатстве”. Та же самая старая эзроувская жвачка.

Большевистский опыт, ничему не научил представителей аптекарского мышления. Дальше борьбы с пред-рассудками в области зоологии они не идут. Например, не так давно в “Новом Русском Слове” была помещена статья “Воображаемая зоология”. Статья как приличествует “прогрессивной” газете, начиналась в сугубо прогрессивном тоне:

“...С древнейших времен из поколения в поколение передаются поверия относительно животных, совершенно не выдерживающие проверки”.

Дальше следовали пояснения, что лев вовсе не царь зверей, что орел не уносит детей, что сова прекрасно видит днем, что змеи не слышат музыку и так далее в столь же прогрессивном тоне. Но разоблачая прогрессивные штампы в области зоологии, зарубежные русские прогрессисты продолжают защищать прогрессивные суеверия об историческом прошлом России. В результате этих поверий прогрессивные деятели из числа русских дореволюционных партий и тех из бывших коммунистов и комсомольцев, которые примкнули к ним, в основных чертах мало чем отличаются от большевиков. Для большевиков Россия была тюрьмой народов и для прогрессивных деятелей, живущих в “Новом Русском Слове”, Россия была и остается тюрьмой народов. И так далее, в том же самом духе. Дальше развивать тему о засилии прогрессив-

ных штампов в среде прогрессивной интеллигенции дореволюционного происхождения продолжающей лить помой на голову своей родины не стоит. Желающие могут купить номер “Нового Русского Слова”, “Социалистического Вестника”, “Голоса Народа”, или других изданий СБОНР-а и они получат ясное впечатление о том, чем занимаются эти выродки русского народа.

Не свободны, конечно, от штампов и правые национальные круги русской интеллигенции. Если они и не считают, как Максы Вишняки и Зензиновы, что русская интеллигенция началась с Радищева, а светлое прошлое с декабристского бунта, то в некоторых вопросах часть национально настроенной эмиграции все же смыкается с прогрессивно-радикальными кругами.

Такое в частности трогательное единодушие существует во взглядах на культурный уровень интеллигенции нынешней России. Наиболее распространенная точка зрения в данном случае такова. Вот мы старые эмигранты уехали и Россия стала страной варваров. В понимании духовных и культурных процессов, некоторые правые, как и левые, мало чем отличаются от иностранцев, как известно очень мало знающих Россию. Я думаю, что средний эмигрантский Иван Иванович правого или левого направления знает о современной России примерно столько же, сколько знает о дореволюционной России средний иностранец.

Некоторая часть старой эмиграции, как правой, так и левой, как известно очень любит Россию. Одни (правые) — любят главным образом Россию бывшую, другие (левые) — Россию будущую. Но и правые и левые любят главным образом Россию воображаемую в своих воспоминаниях о прошлом или в мечтах о будущем. А нынешнюю Россию, Россию, обливающуюся кровью, измученную и истерзанную любят немногие. Для одних это — Совдепия, Эссерия, для других — Дикое поле, среди которого живут сто восемьдесят миллионов совершенно озверевших, потерявших человеческий облик людей. Некоторые вообще поставили крест над Россией. Другие смотрят на нынешнюю Россию несколько милостивее, считая, что из нее еще может выйти толк, если губернерам из эмиграции удастся наставить на ум часть живущих в ней дикарей. Но живой любви к нынешней России и к русским людям, мучающимся под игом большевизма, среди эмигрантов немного. Любви мало, но есть враждебность, часто скрываемая, но ясно ощущаемая некими эмигрантами. Враждебность, которую чувствуют к себе новые эмигранты есть результат враждебности к нынешней России вообще. А враждебность эта вытекает из незнания и непонимания современной России. У части же новых эмигрантов есть, наоборот, враждебность к старой эмиграции, вытекающая из непонимания исторического прошлого России. В итоге получается довольно грустная картина. Одни старые эмигранты прогрессивного направления до сих пор веруют, что Россия была тюрьмой народов, что русская интел-

лигенция началась с Радищева, а до Радищева в России со времен Свято-слава не было ни одного образованного человека, другие, столь же прогрессивные, считают, что в современной России живут унтер-менши, которых они из деликатности называют не унтерменшами, а морлоками.

Среди представителей фармацевтико-прогрессивного мышления, подвизающихся на страницах “Нового Русского Слова” есть Леонид Галич. В статье своей “Мудрость искусства” Леонид Галич как то признался, что он философ недолголюбивает, а предпочитает учиться у искусства. Но и у искусства Леонид Галич, судя по его статье “Морлоки”, также немалому научился. Книг он прочел, конечно, много, цитат не жалеет, а в общем: этикетки, этикетки и этикетки. Во всяком случае, Леонид Галич, не научился видеть вещи такими, какие они есть, а видит их такими, какими им полагается быть, согласно аптекарским этикеткам. В своей статье “Морлоки” Леонид Галич выступает в защиту высказанного М. Коряковым взгляде о существовании особого советского человека. В начале своей статьи Леонид Галич пишет:

“У Г. Дж. Уэллса есть прямо страшный, апокалиптический рассказ о “морлоках”. Так у Уэллса называются потерявшие все черты человечности звереподобные потомки промышленных рабочих, которых когда то их хозяева капиталисты загнали в шахты под землю.

...Так создается одно из Уэллсовых видений конца мира. Рассказ написан задолго до зарождения и развития советской психологии, и, повторяю — рассказ пророческий. Он, конечно, на протокольный реализм не претендует, как претендуют на якобы реализм апокалиптические видения Достоевского. Да и ранг, кстати, у Уэллса другой: звезда звезде разнится во славе.

Когда читаешь статью Корякова, чувствуешь, что психология и психофизиология морлоков не совсем выдуманная. Когда то преобладали на поверхности земли люди, которых мамы учили, что такое человечность и благородство (стрелять в городских и бросать бомбы в министров. Б. Б.). Коряков, видимо, вышел из среды этих людей, будто ставших в Советской России чем то допотопным. Теперь там размножились морлоки, у которых вообще не бывает мамы, а бывают только родительницы и которых учат не человечности и благородству, а политграмоте и пролазничеству (как М. Корякова, Б. Б.). Какое то внутреннее (может быть и обманчивое), чувство меня обнадеживающее под сказывает, что это не повалено и не поголовно. Морлоков тьма, но есть много и не морлоков...”

По поводу этой тирады можно сказать только следующее. Истинными морлоками, морлоками самой страшной разновидности, живущими не в шахтах, а на поверхности земли, но ничего не видящими, людьми с незрячими глазами и жестоким сердцем являются люди с “прогрессивным образом мышления”, подобные Леониду Галичу. Галич считает, что М. Коряков, вышедший из морлоков, тоже

прогрессивно мыслит. Да, морлоки в нынешней России есть, это члены большевистской партии, как М. Коряков. Оказавшись за границей, эти морлоки быстро перестраиваются и по признаку веры в прогрессивные штампы быстро находят зарубежных морлоков.

Нет уж лучше верить, что музыка очаровывает змей, чем верить в прогрессивное суеверие, вроде того, что русские люди почти поголовно стали морлоками. Морлоками стали только партийцы, да и то не все. Эти морлоки результат существования советского государства. А советское государство подготовлено прогрессивно-мыслящими деятелями типа Берлина, Леонида Галича и Керенского. Голова этих морлоков напичканы уймой самых прогрессивных воззрений. Они верят, как П. Берлин, что Карл Маркс был творцом самого прогрессивного мировоззрения, что материя выше духа, что Россия была тюрьмой народов. Эти партийные морлоки считают, что Радищев был первым интеллигентом, что разрушители национальной России всех мастей были святыне люди.

Партийные морлоки есть целиком продукт этикеточно-прогрессивного мировоззрения русской революционной интеллигенции. К счастью этих людей не тьма, как уверен Леонид Галич. В современной России, даже несмотря на большевизм, количество их меньше, чем в современной Франции или в Соединенных Штатах. Количество морлоков в современной России только на очень немного превышает число морально разложившихся людей, которые были в старой России. Произошла только некоторая перестановка. В дореволюционной России эти морлоки сидели бы в тюрьмах, другие бы прятались по темным углам, опасаясь полиции, а сейчас они призваны представителями самого прогрессивного мировоззрения — управлять.

(Продолжение следует).

РОССИЙСКОЕ НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ (НАРОДНИКОВ)

Редакцией “Нашей Страны” получено от Тов. Председателя Ц.К. Российского Народного Движения (Народников), г. Б. Константиновского, письмо, в котором последний заявляет, что помещенная нами в № 103 “Нашей Страны” заметка об исключении члена Ц.К. Романа Гуля из Российского Народного Движения (Народников) не соответствует действительности.

Всю корреспонденцию, предназначенную для Редакции и Издательства “НАШЕЙ СТРАНЫ” — простую, заказную и денежную — следует направлять по адресу:

Vsevolod Dubrowsky,
“NUESTRO PAIS”
Casilla de Correo 2847,
Buenos Aires, Argentina

“НАША СТРАНА” в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйредон), в киоске г. Ряснянского — Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашкевич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто. На Вижа Бажестер — у инж. Васильюти, при церкви на ав. Альвар.

Проф. М. В. Зызыкин

К столетию со дня смерти Н. В. Гоголя

Гоголь и Царская Власть

Литература XX века, в лице А. Блока, Андрея Белого, Мережковского, Амфитеатрова, проф. Новгородцева, критика Г. Мейера, Ходасевича и других; окончательно установила значение "Переписки с друзьями" Гоголя и окончательно сняла налет, наложенный на нее рукой неистового Виссариона Белинского, назвавшего Гоголя "Апостолом кнута и мракобесия", ввиду несоответствия названной "Переписки" социальным видам Белинского и следовавшей за ней русской литературы XIX века. Литература XX века перенесла рассмотрение сочинений Гоголя в другую плоскость, поставив его наряду с Данте, а не под угол мелкого спора либералов и консерваторов. Может быть, и был социальный элемент в "Шинели", но он бледнеет перед другим моментом — потусторонним, анимистическим: бедный Акакий Акакиевич, умерший от простуды в поисках украденной шинели, продолжает жить в виде упыря, хватающего прохожих на Невском проспекте по ночам и даже запугивающего своего начальника надменно отнесшегося к потере шинели Акакием Акакиевичем.

Только в XX веке Мережковский уяснил значение чорта в творчестве Гоголя. Гоголь, как истинный христианин, воспитанный своей верующей матери, верил в нечистого духа, как в реальную силу. Сначала, в юношеских произведениях, он сочетал с народными верованиями, то изображая его юмористически в "Вечерах на хуторе близ Диканьки", рассказывая о том, как кузнец Вакула поймал чорта за хвост, или в "Миргороде", изображая его в "Вие" наводящим ужас. Смех наборщиков в типографии с зажатым рукой ртом, при появлении Гоголя, утверждает его в его юмористическом таланте; он впоследствии углубил проблему чорта, как символ принципа зла и пошлости и дал более глубокое содержание смеху. По словам С. Т. Аксакова, влюбленного в Гоголя, вплоть до появления "Переписки с друзьями", "Ревизора" и "Мертвые души" читали с воспаленной головой и сильно бьющимся сердцем; поразились ароматичностью и свежестью художественности совершенно нестижимой. Гоголь принимал востроги читателя: они его вдохновляли. Однако он чувствовал, что его преданные поклонники, наслаждаясь художественностью его произведений, не видят их высшего духовного смысла. Гоголь писал в 1843 году:

"Обо мне много толковали, разбирая какие либо мои стороны, по главному существенному моему не определили. Его слышал только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара — выставить так ярко пошлость жизни, уметь очертить с такой силой пошлость пошлого человека, чтобы сна в том малом, которое ускользает от глаза, мелькнула в глаза всем".

И тут же прибавляет:

"Когда я начал читать Пушкину первые главы "Мертвых душ" в их первоначальном виде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал становиться все сумрачнее и сумрачнее. Когда же окончилось чтение, он признал голосом тоски: "Боже, как грустна наша Россия". Меня

это взумило. Тут же я увидел, что значит дело взятое из души, и вообще вся душевная правда, и в каком ужасном виде для человека может быть представлена тьма и пугающее отсутствие света".

Вот эту высшую "душевную правду", как сам называет ее Гоголь, не могли заметить и те, которые сполна, но безотчетно наслаждались художественной правдой его творений. Пушкин же уедел его потратить его юмористический талант на создание какого либо крупного произведения, уе делв его, что и Сервантес стал знаменитым только благодаря "Дон Кихоту", высмеявшему национальную испанскую рыцарскую черту XVI века. Надо было взять в России XIX века какую либо основную черту, что и сделал Гоголь в "Ревизоре" и "Мертвых душах": сплетню.

Имею абсолютное убеждение в том, что сплетни есть дело чорта, а не человека, — пишет Гоголь в одном из своих писем (от 6 декабря 1849 года). Вырвется слово, которое не хочет сказать ничего, по глупости или в силу праздности, не желая этого (не так ли у Бобчинского и Добчинского вырвалось слово "Ревизор"), а слово это сделало карьеру. По каким либо мотивам кто нибудь повторил это слово. Было бы бесполезно искать автора, ибо невозможно найти его. Не обвиняйте никого. Помните, что на земле все ложь; все нам кажется отличным от того, что есть в действительности".

Пушкин захватил Гоголя, давши ему тему для "Ревизора" и "Мертвых душ", и потому смерть его, которую Гоголь пережил, как самую ужасную катастрофу своей жизни, повлияла до конца его жизни на его душевное строение. "Ведь я работал всегда имея в виду стоящего при мне Пушкина, как он отнесется к той или иной моей мысли и вдруг его нет".

"Свою высшую духовную правду гениально просто выразил сам Гоголь. Он раскрывает свой замысел. В своих заметках к первому тому "Мертвых душ" он изображает жизнь губернского города; картина простая, но сам Гоголь видит за этой картиной: идея города, возникающая до высшей степени пустоты. Пустословие. Сплетни, перешедшие пределы. Как и пустота и бессмысленная трудность жизни сменяется мутной ничего не говорящей смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно. Не трогаются. Смерть поражает нетрогающийся ею мир. Еще сильнее должна представляться мертвая бесчувственность жизни. Проходит страшная мгла жизни и еще глубже сокрытая в этом тайна. Не ужасное ли это явление? Жизнь?"

За этой пустотой города Гоголь проводит бесцельность жизни всего человечества в массе и он ставит себе задачу, как безделье городское возвести до преобразования бездельного мира. Так поэма Гоголя, которая являлась сатирой на дореформенную Россию, содержит в себе бесконечно больше, — сатиру на человеческую жизнь вообще, на ее пошлость, на ее духовную бессодержательность. И начав с сатиры в первой части "Мертвых душ", которая должна разнести по свету тоску и собственное наше неудовольствие на самих себя, он переходит к

Николай Былов

ВОКРУГ КОЗЛА

Русскую художественную литературу начала 20-го века принято называть сереоряной в отличие от предыдущего века — золотого, так назвать можно. Разумеется, никакого

положительному грандиозному заданию — указать, как поднять Россию, поднять ее на высоту неосмысленную, избавив ее от пошлости, пустоты, безделья жизни. Он чувствует в России огромное поприще для дел и он обращается к ней: "В тебе ли не быть богатству, когда есть место где разлечься ему. Никакому другому народу это невозможно и возможно только русскому народу, ибо только перед ним такой прослой и только его душе знакомо такое богатство". В своей мысли о преобразовании России, начиная с самых людей, с перестройки их на христианский лад, Гоголь был одинок и во внутреннем одиночестве по необходимости оставался всю жизнь. Это не занимало внешнее преобразование России. Он не касался даже крепостного права. Это прежде всего занимало вопрос о христианском перерождении самих людей; он хочет представить идеал христианской культуры. Он думает создать чудные образы, которые повернут все во прах, он верит, что ему удастся найти слова и мысли, которые поднимут всех на преобразование русской жизни и души человека.

Гоголь усердно работает над вторым томом "Мертвых душ" (первый том был окончен в 1841 г.), где хочет в живых образах представить возрождение самых пошлых опустившихся людей и чувствует, что ему не удастся изобразить в художественных образах положительные типы, и у него является мысль изобразить свои мысли не в художественных образах, а в отвлеченных положениях. Он издает избранные места из "Переписки с друзьями". А за десять дней до смерти он снова, не в первый уже раз, сжигает свой второй том, составлявшийся в течении одиннадцати лет жизни. Произошло ли это в силу неудовлетворенности его в осуществлении его задания, осуществленного впоследствии его последователем Достоевским, или в припадке периодически повторяющейся меланхолии, в силу охватившего его в последние два года жизни циркулярного психоза, не поразившего умственных способностей писателя (по определению профессоров Базанова, Осипова и Ермолова), — потеря эта безмерно велика для русской литературы.

Гоголь взял на себя Дантовскую задачу представить духовное восстановление России по образу Божественной Комедии. Он хотел показать, что христианство и искусство можно совместить без умаления того и другого. Если ему не удалось осуществить самой задачи, то он впервые поставил ее для русской литературы, а осуществил ее Достоевский. Последний вдохновлялся "Шинелью" Гоголя для своих "Бедных людей" и "Униженных и оскорбленных". Существует даже легенда, что в "Селе Степанчикове" выведен в лице Фомы Опискина сам Гоголь, гостивший у Аксаковых, преклонявшихся перед ним без взаимности и готовых исполнять малейшие его прихоти.

(Продолжение следует).

Проф. М. В. Зызыкин.

равного Пушкину, Достоевскому и Л. Толстому в этом отрезке нашей истории не было. Но если бы речь шла только о качественном снижении литературы, о некотором периоде, где гении первой величины отсутствуют, — то рокового в этом еще ничего нет. Нет и не может быть такой национальной литературы, которая в каждый данный момент давала бы сверхкласс. Серебряные века литературы являются естественными и даже необходимыми прослойками между гениальными взлетами: они как бы позволяют усвоить эти взлеты, — спокойно разобраться во всех тех идеях, которые с оглушающим грохотом выбрасывают мастера первой величины. Но тут нужно сделать некоторые оговорки: "серебряный век" законен тогда, когда он естественен, когда представители его понимают и принимают свое серебряное качество и не прибегают, так сказать, к гальванопластике, — к наведению искусственной позолоты. К сожалению, вот этих то естественных свойств в серебряном веке нашей литературы как раз и не было. За малыми исключениями каждый старался изобразить не столько текущую жизнь, сколько себя самого. — привлечь внимание, ошеломить... Кто кричал, кто вкавал, кто икал, кто завывал... Но это было бы еще победы. Всякое вкавание, само по себе, большой опасности не представляет: послушали, подивились и позабыли. Жизнь от этого не нарушается. Настоящая опасность возникает тогда, когда ~~квасит~~ во имя искажения жизни, когда Правда подменяется кваканием. Лихорадочная погоня за новизной, за успехом опустошает души писателей и обращает их на служение некоему рогатому существу. В этом смысле серебряный век нашей литературы правильнее называть веком козлиным.

Никакого преувеличения или хлесткого словца тут нет. Кто может достать книгу В. Ф. Бодяновского "Богоискатели", ныне весьма редкую (изд. Вольфа, 1911), найдет на стр. 122 главу, под названием "У гениев". Очерк снабжен фотографией высшего божества этих гениев, которое называлось "Пес — охранитель светлого неба". Фотография эта — со скульптуры Иннокентия Жукова. Перед этим чудиком со зверской мордой служили мессы, под аккомпанимент скрипки. В числе других богов, вокруг которых водили хороводы, была и лягушка. Почему то она была символом "борьбы с наследственностью", то есть под этим понимался разрыв со своим прошлым — семейным, историческим и по возможности даже биологическим. Вождь "корабля" назывался — "его небесная светлость генерал-провокатор с клещами" (при очерке имеется и его фотография).

Не стоит дальше перечислять эту чепуху. Это было, конечно, в Петербурге, в закатном Петербурге... Бодяновский, лично посетивший эту черную мессу, не сообщает имен участников — писателей, художников и музыкантов. Больших имен среди этих вращавшихся вокруг пса и лягушки, как будто не было. Но вряд ли мы ошибемся, если скажем следующее: любой большой "метр" и любой "сознательный и переловой" интеллигент той эпохи, побывав на этих радениях, непременно сказал бы: "А-а-а! Это

исключительно интересно! Здесь — горение духа!”

Для оценки этого петербургского вибриона вырвалось слово “чепуха”. Чепуха то, конечно, чепуха, но чепуха весьма типичная по своим задачам преподнести публике нечто такое, отчего глаза на лоб вылезли бы. И чепуха становится поистине зловецем, роковой постольку, поскольку она опирается на разных рогатых и хвостатых. А они тут закономерно неизбежны. Путь Истины весьма труден; он незаметен; никаких скороналительных и оглушительных успехов он не сулит. Старые, но вечные пути Истины были, с точки зрения нашего высокоумного духовного сноба, слишком “преемыми”. Искомый перец в изобилии рос во владениях его козлиного величества, куда и бросались, огертя голову.

Все это без пересадки привело к Феликсу Дзержинскому. Ему, в сущности, осталось только реализовать лягушку, — некую “борьбу с наследственностью”. “Мы новый мир построим!” Всякая наследственность, кроме, конечно, сифилитической и алкоголической, свивших мощные очаги в большевистской голове, начиная с самого Ильича, — была, как мы знаем, обречена на “выкорчевывание”. Весь марксизм тоже ведь полнейшая чепуха, но чепуха такая, которая залила потоками крови Россию и залиает сейчас весь земной шар.

Подойдем к этому серебряно козлиному периоду нашей литературы с несколько другой стороны. Надо отметить страшный, угрожающий перевес поэзии над прозой. Тема эта более серьезная, чем может показаться с первого взгляда. Можно сказать так: если один поэт приходится на 10—20 миллионов нормальных людей, то это — хорошо. Это необходимо. Без поэзии люди обращаются в некое буйволородное существо — челюсть помноженная на желудок. Государство Российское, той эпохи, безусловно должно было располагать

десятьком-другим поэтов, — поэтов истинных, — “Божьей милостью”.

Раскрываем “Антологию Русской Поэзии” начала 20 века И. С. Ежова и Е. И. Шамурина (наиболее полная из имеющихся у нас Антологий). Поэтов в ней приведено 128, с оговоркой, что отмечены только те поэты, которые завоевали некоторый успех.

Цифра эта сама по себе выглядит уже зловецем. Это говорит о какой то душевной перенапряженности, которая, будучи без руля и без ветрил, готова излиться в жизнь самыми неожиданными явлениями, — от истерии до законченного сатанизма включительно. Упомянутая “Антология” перечисляет ряд поэтических школ; они бушевали под такими названиями: экспрессионисты, биокосмисты, люминисты, ничевоки, формлибристы, эмоционалисты, фуйсты, конструктивисты... Были еще урбанисты, имажинисты и, конечно, футуристы...

Сколько из всей этой поэтической рати можно назвать людьми духовно неповрежденными? Такими, которые так или иначе, в этом качестве или другом, иногда даже под завесой религиозной мистики и христианства, не вращались бы вокруг Козла с его неперемным действием, т. е. кроворазлитием, революцией Пожалуй — трюх — Рлад. Соловьева, (хотя он принадлежит, собственно, предыдущей эпохе), Гумилева, Анну Ахматову. Может быть, кое как с разными оговорками и натяжками, к этим трем допустимо прибавить еще 2—3, но это будет уже все. — окончательно все. Литературный критик, берущийся за оценки нашего прошлого — и, конечно, настоящего, — должен быть прежде всего ученым бесоведом.

Напрасно были бы думать, что с прозой дело обстояло лучше. В нее, во-первых, в смысле стилистическом, тоже проникает какое то болезненное возбуждение. Андрей Белый, с его историческим косноязычием был провозглашен искомым гением. мерой вещей. И, во-вторых, так же, как и в

поэзии, эти стилистические выверты ничего кроме духовной опустошенности не содержали. Но даже и в тех случаях, когда русский язык не превращался в собачий лай, мало кто, с той или иной степенью усердия, не припадал к стопам лягушки” и “генерал-провокаатора”. Потом, после революции, многие очухались. Очухался и Леонид Андреев со своим SOS, и Мережковский, и Амфитеатров, и Арцыбашев... Но Козел уже прочно сделал из России свою вотчину.

Имея в виду заняться в дальнейшем кое каким поименным разбором наших поэтов и прозаиков, поставим пока вопрос так: откуда же все это началось? Где корни этого?

Разумеется, было бы крайним легкомыслием ответить на это в двух строчках. Это — основная тема нашей историософии и требует особого освещения. Но один вопрос, связанный с ней, не может не быть упомянут: это — пресловутый отрыв наших образованных классов от народа. В чем тут, собственно, дело?

Народ, как космическая сила, не может лежать во зле. Постольку, поскольку он нашел свою религию и создал свою государственность, его путь обозначен велениями правды, справедливости и общего блага. Но народ, именно, как космическая сила, может легко впасть и во зло, — если в мыслительной его верхушке дело обстоит неблагоприятно. И тут основные законы социологии совершенно точны: мыслящая верхушка, во-первых, должна понимать реальные интересы народа и их осуществлять и, второе: эта мыслящая верхушка должна быть в главных вопросах едина по своим устремлениям.

Роковые проблемы русской жизни, иначе говоря, сводились к “усадьбе”, слишком оторвавшейся от деревни, и к “зеленой лампе”, которой можно символизировать нашу “прогрессивную” интеллигенцию и которая была совершенно чужда, как усадьбе, так и деревне.

Про усадьбу все таки можно сказать, что как бы она ни была выдержана в своем собственном стиле, но воздух у нее был тот же, что у деревни. Из усадьбы деревня все таки была видна, хотя бы и сквозь разноцветные стекла. Понятие Родины имело свою общность, как для усадьбы, так и для деревни, и за это слово складывали свои кости на Бородинских полях, представители и той и другой стороны. В конечном счете, из усадьбы вышли и все деятели эпохи Великих Реформ Императора Александра Второго, и, впоследствии, — Столыпин. Если усадьба слишком настаивала на своих “стилях Рококо”, то деревня ее поправляла. Поправляла Пугачевым, например. Но сам Пугачев никаких новых ценностей не являет: поднимает пожар в ореоле царского имени и — хотя бы сам, лично, верит только в черта, — но религию на слом не отправляет.

Не надо, конечно, доводить деревню до пугачевых, но они — еще победы. Это еще не та “великая и бескровная”, которая вызревала и вызрела под колпаком зеленой лампы. У пугачевых Козел является так сказать индивидуализированным и переходящим злом, тогда как во втором случае он прочно садится на уготоуанный ему трон..

В этих зеленых лампах, несмотря на крайнюю пестроту их излучений есть один пункт абсолютно общий и роковой: это противопоставление себя Богу, — противопоставление себя, другими словами, вечным законам жизни и своей Родине, как началу, осуществляющему текущую, нормальную жизнь. Когда человеческий разум берется как единственное, высшее и самодетинное начало, тогда весь прогресс оборачивается полвалами чрезвычайчак. Неизбежно оборачивается. В литературе нашей, этот путь к бездне обозначен точными вежами.

Николай Былов

Глеб Томилин.

Д В Е С И Л Ы

Роман.

— Оно, конечно, трудовая дисциплина, но как публика полагает, что власть, так сказать, дошатнулась, то, вот, по пьяной лавочке, и мелют. Однако, все таки нет дыму без огня... Заведующий сверлил своими жуликоватыми глазками деревянное лицо товарища Иванова, но скоро понял, что ничего он из этого лица не высверлит. Несколько тягостное молчание было прервано сумасшедшим грохотом на кухне. Заведующий столовкой сорвался туда со скоростью кота, к носу которого шутники поднесли бутылочку нашатырного спирта. Из кухни донеслись брань и новый грохот, какие то удары, потом наступил некоторый минутный перерыв, использованный по некоторым соображениям товарища Иванова для еще не начатой бутылки, потом ступ закрываемой двери. Потом около товарища Иванова снова появился заведующий, на лице которого помимо свежих следов недавно начатой бутылки, отражалось еще и искреннее негодование.

— Вот — посмотрите, не успел вернуться, — как коты. Посуду перебили на пол-ставки. Если теперь

списывать в расход — так, кто свидетель котам? А отвечать мне — пол-ставки вычтут. Где, я вас спрашиваю, социальная справедливость? А? Где?

— Г-м, — сказал товарищ Иванов. — Тарелки перебиты, стопочки перебиты, кусок мяса сперли, а кто отвечает? Я отвечаю. И за кого? За котов. Где, я вас спрашиваю, социальная справедливость? И откуда я новые тарелки достану? А?

— Давайте еще по паре килек, — ответил дипломатически товарищ Иванов. Вечер для размышления был все равно потерян, может быть, вместо этого вечера, товарищу Иванову удастся узнать что то о забастовках?

Однако, заведующий кильки съел, стакан выпил, но о забастовках предпочел говорить в совершенно отвлеченной форме:

— Да, вот, рабочие или там пожарники, личности мне неизвестные, мало ли кто заходит, ну, разговоры всякие. Бо-ольшое, я вам скажу, возбуждение... А котов этих развелось — пропасть. И все голодные, только и норовят, что бы где стянуть — вот еще и вождя разбила.

— Какого вождя?

— Здесь на стенке висел. Кто то с пьяных глаз пивной бутылкой запустил. Я сам не видал, — в кухне был, тут не разорвешься. Прихожу — смотрю, рама разбита, кусок стекла выбит. Ну, я этого вождя в кухню поставил. На шкаф. А теперь — коты. И стекло вдребезги и сам вождь вымазан.

— Какой вождь?

— Ну, этого я не знаю — висел себе и висел. А теперь, кому отвечать? Опять же мне. И из-за кого? Из-за котов. Я вас спрашиваю, где тут социальная справедливость?

На вопрос о социальной справедливости, в особенности в применении ее к котам и разбитому вождю, товарищ Иванов никакого ответа дать не мог. Но он понимал, что не получил никакого ответа и на вопрос о забастовке.

— Так сколько с меня полагается за ваши уступки? — спросил он.

Заведующий жуликовато и искося посмотрел на деревянное лицо товарища Иванова, потом на потолок и назвал более или менее подходящую сумму. Товарищ Иванов расплатился, закинул в свой портфель остатки своей закуски и пожалел только о том, что открытую коробку килек взять не удастся: соус выльется весь.

— А эти кильки, товарищ заведующий, я вам уж оставляю на память.

— Премного благодарен, это, мож-

но сказать, такой деликатес. Может быть, в Москве и можно достать, а здесь, в глуши, так сказать, во глубине сибирских руд...

Товарищ Иванов дальше слушать не стал. Распрошавшись с заведующим, он вышел на улицу: выпить, и то по-человечьи негде! Хорошо это было на охоте — пойдешь в лес, выпьешь, отоспишься и кончено. Теперь предстояла встреча с его ведомственной женой, чесалась оставшаяся в портфеле вышивка и закуска... Широкие улицы Неелова были пустыньки, темны и грязны. Дверь товарищу Иванову открыла его жена. Потянув воздух своим востреньким носом, она спросила чисто деловым тоном:

— Опять нализался?

— Пошла к чортовой матери. — сказал товарищ Иванов тем же тоном. — Видишь, совсем с ног сбился. Пошла к чертям спать.

Ведомственная супруга, видимо, встала с кровати, чтобы открыть дверь, и в одной ночной рубашке долго выдержать в передней не могла. Товарищ Иванов намеренно долго стал стаскивать с себя сапоги и отскребывать налипшую на них грязь, влез в туфли и стал стаскивать мундир. Супруга, поежившись от холода, спросила:

— Ну, что нового?

— Завтра сама узнаешь — то, что полагается узнать. Пошла к чертям! Супруга кинула косвенный взгляд

Característica de los campos de concentración en la Unión Soviética del lado social y económico

(Continuación)

En cada gobernación de la Unión Soviética eran condenados miles de los campesinos sorprendidos en el momento de cortar las espigas del trigo (empujados hacer esto por el hambre). El caso se consideraba como "robo de la propiedad del pueblo". Todos eran condenados según la ley de 7 de agosto de 1932. En los campos de concentración y también en la libertad bautizaron a estos condenados con el sobrenombre "peluqueros".

No es posible contar todos los casos de las condenas. Yo tomé los primeros que me acordé. Lo principal es — y esto quiero recalcar — que todos los casos demuestran que son la consecuencia de hambre, y no de la vida feliz y alegre del campesino, como dice la propaganda soviética.

Pero la justicia soviética no reconoce el hambre y pobreza como disminución de la culpabilidad, y "carga el caretel lleno" — es decir 10 años!

Otro grupo de los condenados forman los empleados acusados en la negligencia en el trabajo. Por ejemplo, los ratones han comido los salames en el almacén, el encargado — recibe 5 años! (Aunque él pidió varias veces que le entregan venenos, ratoneras o gatos).

Otro ejemplo — varó el barco del río, el capitán recibe 5 años,

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА

В Фонд Издательства "Нашей Страны" поступили следующие суммы:

Собранные Н. Р. Трипольским в Покинси: от М. и Н. Трипольских — \$ 10; от Г. Трипольского — \$ 2; от П. Галышкина — \$ 2; от А. Сергиевского — \$ 1; от Ф. Середницкого — \$ 2; от Н. Ермолаева — \$ 1.

на неопределенные контуры портфеля и решила в дальнейшие нежности не пускаться. Когда она ушла, товарищ Иванов разгрузил свой портфель, порылся в кухонном шкафчике, где обнаружил два соленых огурца и кусок холодной дичины, уселся за стол и стал размышлять. Это занятие было, однако, прервано довольно неожиданным для тов. Иванова образом: он как то незаметно для самого себя положил голову на стол и заснул сразу.

Ведомственная супруга, услышав сдержанный храп товарища Иванова, просунула в кухню свой востренький носик. Потоптавшись немного у двери, она пошла в переднюю, надела пальто, — в квартире было довольно холодно, — вернулась в кухню и присела за стол, допила водку и доела закуску. У нее на языке вертелся целый ряд тонких и дипломатических вопросов, но задать их было некому. Товарищ Иванов спал как убитый.

***

Высадив из машины товарища Иванова, бывший Степаныч поехал куда то дальше, избегая центральных улиц города и рискуя сломать машину на ухабах окраинных.

После окраинных улиц пошли какие то проселки, очень скупо освещенные светом тусклой луны, нырявшей за тяжелые осенние тучи. Потом машина выехала на что то вроде шоссе,

el maquinista — 3 años. O, por ejemplo, en el koljoz — los tractores se quedaron sin combustible, el encargado — recibe 4 años del campo de concentración. Y mucho más casos parecidos.

(Continuará)

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Paraguay: Tjonovich, Calle Montevideo 496 — Asunción.

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 10657 Bras. Sao Paulo.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Inés, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave San Rafael, Calif. USA.

Mr. Paul Likhodev, 551 West 178 Str., New York, 33, N. Y.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. G. Malysheff, 1530 W 7 Ave. Vancouver B. C.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Th. Seuberlich, Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama", 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev. IRO Campo Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 8 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane.

Mr. Domansky, 329, Catherine Street Leichhardt, Sydney (N. S. W.)

Mr. P. Ostashkevich, Woodside Immigration, Centr. Camp., S. Australia.

потом свернула на какую то лесную тропинку и тут бывший Степаныч обратился к Ваньке и Ваське с чем то вроде речи, содержание которой сводилось к следующему.

— Так что, вот, лоботрясыки, — мы подъехали к гражданскому аэродрому — это где стоят самолеты, понимаете? На этом аэродроме стоит сейчас только один. Нужно его взорвать. Ты, Ванька, оставайся здесь, у машины, только не в ней, а около — за деревом. И никого к машине не подпускай. Если ктонибудь появится, отгони — только старайся говорить басом, а то у тебя козлетон какой то. Если будут лезть дальше — стреляй без никаких. Мы вернемся минут через десять-пятнадцать. А ты, Васька, возьми вот это. — Степаныч достал из авто спинной мешок и из мешка коробку, весом килограмма на два, на три. — Это — бомба. Видишь, вот тут такая палочка? А тут — проволока. Эту бомбу ты прицепи к самолету, как там тебе будет удобнее. Потом — но только потом, поверни эту палочку вот сюда. Понял?

— Чего тут не понять! А попробовать можно?

— Вот, я тебе попробую! Если этот рычажок зацеплнуть, бомба разорвется через пять минут. Понимаешь?

— Чего тут не понять?

(Продолжение следует).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Милостивый Государь, г-н Редактор!

Прочитав в "Нашей Стране" ном. 97 статью г. Солоневича "Великая Фальшивка Февраля", считаю своим долгом ознакомить читателей газеты с прохождением службы и деятельностью генерала М. В. Алексеева, по сохранившемуся у нас его послужному списку.

Генерал Алексеев родился в 1857 году в семье офицера, участника Севастопольской обороны. Окончил курс Московского юнкерского училища в 1876 году. Вышел во 2-ой Гренадерский Ростовский полк. В конце того же года, по личному желанию, переведен в 64 пехотный Казанский полк в составе которого 17-6-1877 г. выступил на театр военных действий против турок. 10-8-1877 г. этот полк вошел в состав отряда генерала Скобелева. За мужество и храбрость, сказанные в различных боях против турок Алексеев награжден орденом св. Станислава и св. Анны 3-ей степени с мечами и бантом и орденом св. Анны 4-й степени с надписью "За храбрость".

По окончании войны прослужил в строю полка еще 10 лет, последовательно занимая должности от младшего офицера до ротного командира включительно. Лишь в 1887 году, в чине штабс-капитана, Алексеев поступил в Императорскую Николаевскую Академию Генерального Штаба и окончил таковую по первому разряду в 1890 году.

По окончании Академии получил назначение в Петербургский Военный округ. В августе 1898 г. назначен экстра-ординарным профессором Академии Генерального Штаба по кафедре Истории Военного Искусства, одновременно занимая различные должности по службе Генерального Штаба и командуя в 1899 г. батальоном.

С августа 1900 года назначается начальником Оперативного Отделения Генерального Штаба. В 1901 г. назначен ординарным профессором той же Академии с оставлением в занимаемой должности, а 6-6-1904 г. утвержден в звании заслуженного профессора Академии Генерального Штаба. В это время (28-3-1904) за отличие по службе, Высочайшим приказом произведен в генерал-майоры.

По личному ходатайству, 30.10.1904 г. назначен в 3-ю Манчжурскую армию. 10.1.1905 г. за разновременные боевые отличия в боях против японцев, награжден золотым Георгиевским оружием, а 23.11.1905 орденом св. Станислава 1-й степени с мечами.

По расформировании Манчжурской армии, генерал Алексеев был прикомандирован к Главному Управлению Генерального Штаба (18.2.1906), где под начальством генерала Палкина велась большая работа по реорганизации русской армии. В 1907 году командовал бригадой.

30.8.1908 г. за отличие по службе произведен в генерал-лейтенанты, с назначением начальником Штаба Киевского Военного Округа (пограничного с Австро-Венгрией), с оставлением в звании заслуженного профессора. С этого времени главная работа генерала Алексеева посвящена разработке плана войны с Австро-Венгрией (см. кн. профессора генерала Головина "План Войны"). Кроме штабной работы, руководил несколькими поездками офицеров Генераль-

ного Штаба, военными играми и в 1911 г. разработал и произвел в Высочайшем присутствии большие военные маневры.

В августе 1912 г. назначен командиром Корпуса, которым командовал до июля 1914 г., когда, по мобилизационному плану, генерал Алексеев был назначен начальником Штаба Юго-Западного фронта, в какой должности пробыл с июля 1914 по март 1915 г. Первая Галицийская битва выиграна исключительно благодаря руководству и плану ген. Алексева, ее последствия известны; расстройство Ав.-Венг. Армии и занятие всей Галиции (см. книгу проф. ген. Головина "Галицийская битва"), за что ген. Алексеев награжден орденом св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-ой степени.

В марте 1915 года ген. Алексеев назначен Главнокомандующим Северо-Западного фронта, протяжением в 1200 верст, от Сокаль до Балтийского моря. Здесь велась борьба за Веслу, освобождение наших армий из клещей Гинденбурга-Макензена, вывод армий из "польского мешка", (спасение нашей армии), и стабилизация фронта.

В августе 1915 г. ген. Алексеев назначен начальником Штаба Верховного Главнокомандующего. Главной задачей этого времени была окончательная стабилизация фронта, реорганизация армии и поднятие ее технической и моральной боеспособности, а затем подготовка кампании 1916 года (Брусилловского наступления) и разработка общего с союзниками наступления к весне 1917 г.

Из всего вышеизложенного видно сколько разнообразно прохождение службы и работа генерала Алексеева:

1) Последовательное командование строевыми частями: ротой, батальоном, бригадой, корпусом и фронтом; участие боевое в трех войнах;

2) Военно-ученая деятельность: преподавание в военных училищах и Академии, экстра-ординарный, ординарный и заслуженный профессор Академии Генерального Штаба по кафедре Истории Военного Искусства;

3) Служба по Генеральному Штабу: Оперативное отделение, Военно-Ученый Комитет (Большой Генеральный Штаб);

4) Чисто стратегическая работа во время Великой войны.

Что касается тех или иных решений, принятых генералом Алексеевым в трагические дни февраля-марта 1917 года, то правильное их освещение ждет своего беспристрастного историка.

Все, кто лично встречал генерала Алексева, знали его, как человека исключительной скромности, глубоко преданного своему долгу и Престолу, при полном отсутствии какого-либо честолюбия. Личные интересы всегда отодвигались им на второй план и все его мысли были посвящены родине и Армии, которые он любил до самоубийства.

Уважающая Вас

А. Н. Алексеева

(Вдова ген. М. В. Алексеева).

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

Часть I — Основные положения.

Вышла отдельным изданием и поступила в продажу у представителей "Нашей Страны" и в лучших книжных магазинах Загубежя.

Цена: ам. долл. 1.50 или соответствующая сумма в другой валюте.

Imprenta "Dorrego", Dorrego 1102 - Bs. Aires